28 ЯНВ 1960
„ВЕЧЕРНИЙ СВЕРДЛОВСК"
г. Свердловск

1860 А. П. Чехов 1960

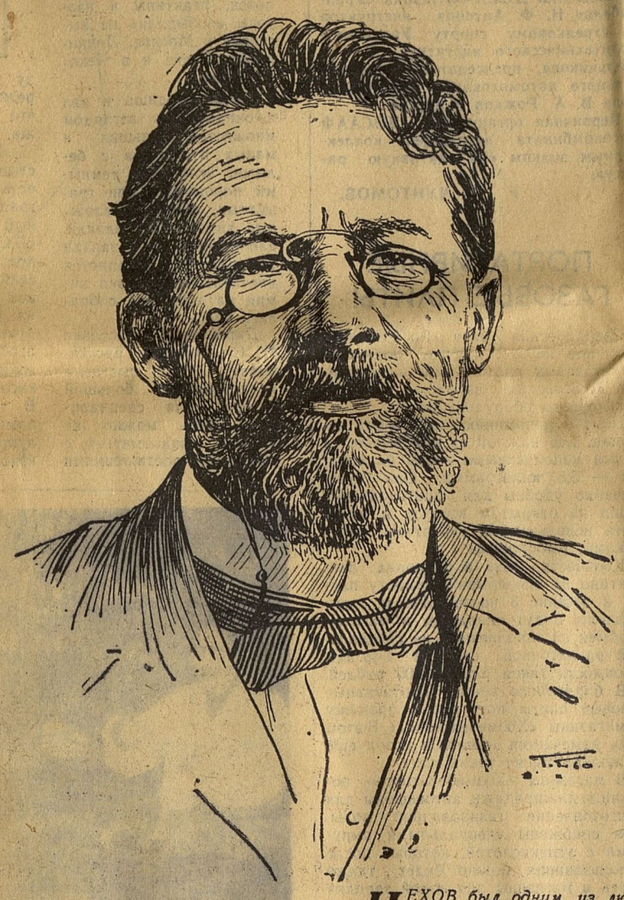
ГОРДОСТЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Он учит видеть в человеке хорошее

В дни чеховского юбилея все мы с любовью вспоминаем лучшие произведения Чехова, которые изучали в школе, читали сами. Особенно запомнились «В овраге», «Мужики», «Палата № 6», «Вишневый сад», «Степь». В них он пишет о жизни русского народа. И что особенно нравится мне в творчестве Чехова — он видит в человеке много прекрасного.

Нравится мне, что он изображает жизнь правдиво, такой, какая она есть, ничего не выдумывая от себя. Так просто описывает он человека, что сам как бы живешь жизнью героя. По-моему, главное, за что мы любим Чехова, это за его умение видеть в человеке хорошее. И самому хочется стать лучше.

В. ДОРОНИН,
слесарь механического цеха ВИЗа.



ЧЕХОВ был одним из любимейших писателей П. П. Бажова, сыгравшим большую роль в формировании художнических вкусов и творческой манеры создателя «Малахитовой шкатулки». Об этом он пишет в письме к литературоведу Л. И. Скорино 20 сентября 1944 г., отрывки из которого мы сегодня публикуем.

А главное, конечно, Чехов. Здесь отчетливо помню, что и когда впервые прочитал. Помню даже место, где это происходило.

Пришлось это на 1894 год...

Стояла осенняя слякоть начала ноября, да еще приходилось «справлять кончину в бозе почившего» Александра III...

В такие сугубо кислые дни впервые купил книжечку Чехова. Стоимость ее я забыл, но она казалась для моего тогдашнего репетиторского заработка (шесть рублей в месяц) чувствительной...

Семинарское начальство свирепо относилось ко всей литературе без «допустительной отметки». Так называлась последняя ступенька разрешительной визы (одобрено, рекомендовано, разрешено, дозволено, допущено для библиотек).

На книжечке Чехова никакой такой визы не было, и надо было чи-

удивить и даже смутить этого рабочего человека. Но оказалось не так. Он с таким же увлечением заговорил о произведениях писателя.

— Вы знаете, я отдельные рассказы Антона Павловича читал по многу раз, и всегда они волнуют. Какая в них сила, какая жизненная правда! Не знаю почему, но меня особенно поразил его рассказ «Палата № 6». Может, потому, что в нем наиболее сильно отражается тусклая жизнь царской России с ее тюремным режимом.

Леонид Иванович взял с полки томик с чеховскими рассказами и, не обращая больше на меня внимания, стал перелистывать страницы. Прошло несколько минут. Я было уже собрался уходить, как хозяин квартиры снова обратился ко мне.

— Простите... Многих пороков общества, о которых писал Антон Павлович, давно уже нет в нашей жизни. Но некоторые остались. Вот, скажем, равнодушие. Есть еще у нас такие люди, которые равнодушны к жизни, к работе, к нашему движению вперед. Откровенно говоря, такие люди только путаются под ногами. Пусть наши писатели с такой же силой, как Чехов, обрушатся на это обывательское равнодушие.

На обратном пути я думал: какие это правильные слова! Сатира Чехова и сейчас бьет по пережиткам, которые остались еще в сознании отдельных людей. Великий писатель и сегодня с нами, в одном строю.

Б. МИХАЙЛОВ.

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, АНТОН ПАВЛОВИЧ!

—У нас был Чехов!..

Завтра, в столетие со дня рождения великого русского писателя, каждый свердловчанин с гордостью произнесет эти слова.

Весной 1890 года Антон Павлович предпринял поездку на остров Сахалин. Целью писателя было исследование положения каторги. Поездка эта, при тогдашних средствах сообщения, сама по себе была подвигом, тем более — для больного Чехова. Он упорно и тщательно готовился к ней и без колебаний двинулся в путь через Урал и Сибирь.

Все огромное значение Чехова как общественного деятеля раскрылось в сахалинской поездке, отвечавшей самым глубоким, самым коренным потребностям его натуры. Отлично понимая общественное значение своего писательского таланта, он вместе с тем постоянно стремился войти в жизнь народа не только как «властитель дум», но и рядовой боец, делающий непосредственно необходимое народу дело.

Насмешка мимоходом

Екатеринбург был лишь непродолжительной вынужденной остановкой, дорожным эпизодом на пути писателя из центра России на ее самую отдаленную окраину.

29 апреля. Обычный для поздней уральской весны день. Резкий, холодный ветер гнал по мокрым улицам снег и крупу. Убогий извозчик, бесконечные улицы широко раскинувшегося города, унылый великопостный звон церковных колоколов — все это раздражало писателя, проделавшего долгий и утомительный путь от Москвы на поездах и пароходах.

«В России все города одинаковы, — писал он сестре Марии Павловне, — Екатеринбург такой же точно, как Пермь или Тула. Похож на Сумы и на Гадяч...» И сходство это Чехов, великий наблюдатель, усматривал, конечно же, не во внешнем облике названных им городов. Сходство, отмеченное Чеховым, лежало глубже.

Единственный человек, о котором упоминает писатель в своем письме к сестре из Екатеринбурга, был местный делец А. М. Симонов — родня крупного мукомола и местный воротила, считавший себя «прикосновенным» к литературе. «Прикосновенность» эта выражалась в том, что Симонов прибрал к рукам единственную в городе газету. Рядом жил другой, рабочий Екатеринбург, но его не дано было увидеть Чехову.

Симонов, глубоко чуждый Чехову, не мог, да и не пытался ввести писателя в круг близких ему по духу и взглядам людей, не обмолвился ни единым словом в принадлежавшей ему газете о приезде писателя. Из разговора с этим представителем екатеринбургского «общества» Чехов мог сделать единственный вывод: «Оба мы — и Симонов и я — друг другу не нужны».

В этом выводе — все отношение Чехова к миру мещанства, которое «богатеет, толстеет, стареет и живет «основательно», которое одинаково везде — в Екатеринбурге и в Туле, в Сумах и Гадяче, — во всей губернской и уездной России. Чехов органически, страстно ненавидел мещанство во всех его степенях и рангах — материальных и духовных. Его презрительная насмешка мимоходом заклеймила «азиатчину» и убожество екатеринбургских купцов, заклеймила все «темное царство» старого Екатеринбурга — вотчины мукомолов и золотопромышленников.

Единомышленники

Мы, советские люди, сегодняшние хозяева Свердловска, — единомышленники великого писателя. Мы так же страстно ненавидим мещанство во всех его проявлениях, боремся против него всеми средствами. И мысли Чехова, его творения — в числе сильнейшего и нержавеющего нашего оружия.

Мы гордимся тем, что чеховское и наше понимание служения народу — одинаково. Мы гордимся тем, что наша советская интеллигенция, выполняя свой государственный долг, вместе с тем добровольно, по велению сердца и разума, несет народу свои знания и опыт в бесчисленном разнообразии форм своей общественной деятельности.

Мы гордимся тем, что Чехов сегодня и всегда пребудет с нами, строителями общества, в котором сбывается страстная мечта писателя об условиях человеческого существования.

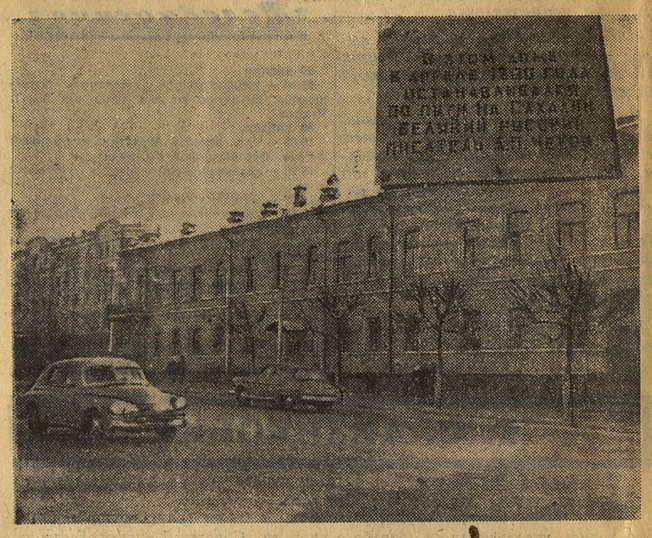
«Принято говорить, что человеку нужно только три аршина земли. Но ведь три аршина нужны трупу, а не человеку, — писал Чехов, — человеку нужны не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа».

Трехаршинный мир старого Екатеринбурга смеген революцией в прошлое. Звероподобная туша купца Симонова никогда больше не застит Чехову трудовой Екатеринбург — его читателя и почитателя.

Сегодня город-труженик и умелец, сотнями тысяч улыбок, теплым светом своих глаз, громовым голосом своих заводов говорит:

— Здравствуй, Антон Павлович! С днем рождения!

Л. НЕВЕРОВ.



В этом доме по ул. Малышева, 68, в 1890 году останавливался проездом на Сахалин великий русский писатель А. П. Чехов. Сейчас здесь размещается педагогическое училище.

Фото П. Робина.

Большое дарование

Чехова я открыл для себя несколько лет назад. Кто-то из моих сверстников принес тогда тонкую книжку его рассказов и вместе с приятелями, позабыв про школьные уроки, мы с увлечением принялись читать «Толстого и тонкого», «Хамелеона», «Лошадиную фамилию». Смеялись от души, некоторые понравившиеся нам фразы перечитывали по нескольку раз.

А позднее, в классе, я узнал, что Чехов не только умеет смешить, но и бывает грустным... Так постепенно раскрывались передо мной новые грани его большого дарования.

В этом году мы будем изучать творчество Чехова на уроках литературы. Я с нетерпением жду этих часов.

Моя большая мечта — побывать в МХАТе и увидеть на сцене этого замечательного театра какой-нибудь чеховский спектакль.

П. ШВЕЦОВ,
учащийся II курса автодорожного техникума.

РЕПОРТАЖ

Вместе, в одном строю

36-96

Набираю этот номер телефона, и мне отвечает библиотека имени Горького на Уралмаше.

— Здравствуйте! Скажите, кто у телефона?

— Библиотекарь с абонемента, Крупина Нина Семеновна. Что вы хотели?

— Простите, нам хотелось бы знать что-либо о читателях Чехова. Вы слышите? Антона Павловича Чехова.

— Да, слышу. Знаете, в эти дни удивительный спрос на произведения замечательного писателя. Несмотря на то, что у нас сравнительно богатый фонд, сейчас на полках ни одной книги, все разобрали. Вы не поверите, мы оборудовали большую выставку о писателе к его юбилею. На ней было выставлено много произведений Антона Павловича и критической литературы о нем. И вы знаете, все разобрали. Да, да пришлось выдавать книги с выставки.

— Скажите, кто из рабочих взял чеховские книги вчера и сегодня?

— Таких очень много. Вот абонемент газорезчицы Проскуряковой, работницы завода Сапожниковой, медсестры заводской больницы Улановой, старшего кочегара заводской теплоэлектроцентрали Кучина и многих других. Все они активные читатели и очень любят Чехова.

Нам захотелось познакомиться с одним из этих читателей. И вот мы на квартире старшего кочегара ТЭЦ Леонида Ивановича Кучина. Хозяин квартиры приветливо приглашает нас в комнату и совершенно неожиданно начинает рассказывать о кинокартине «Шквал», которую только что смотрел в заводском кинотеатре. И по его горячим словам я понял, что трудовые подвиги рыбаков по-настоящему взволновали уралмашевца.

Я слушал и почему-то думал, что мой вопрос о Чехове может

ПУТЬ К ЧЕХОВУ

СВЕРДЛОВСКИЙ драматический театр обратился к драматургии А. П. Чехова уже в пору своей зрелости, на четырнадцатом году жизни. «Дядя Ваня», поставленный в военный 1944 год, был его первым чеховским спектаклем.

В этом запоздалом обращении к драматургическому наследству великого писателя есть свои причины. Дело в том, что многим деятелям советского театра, не переставшим горячо любить Чехова, казалось, что его камерные «домашние» пьесы, овеянные большой человеческой грустью, не будут поняты новым зрителем, что они не зазвучат в нашу бурную эпоху великой ломки и великого строительства.

Понадобилось время, чтобы преодолеть эти искренние заблуждения. Они рассеивались и отступали по мере развития Свердловского драматического театра, по мере его идейно-художественного роста. Чем успешнее продвигался театр по дороге мастерства, чем пристальнее всматривался он в жизнь, постигая ее прошлое, настоящее и будущее, тем сильнее и неотвратимее манила его к себе чеховская драматургия.

Театр пришел к Чехову в годы Отечественной войны. Именно в период тяжелых и суровых испытаний он глубоко понял и пережил общественную значимость чеховской драматургии. Спектакль прозвучал сильно и современно. «Дядя Ваня» глубоко взволновал зрителей. Показанный вскоре в Москве, он приковал к себе внимание широкой общественности. Выдающиеся мастера советской сцены, основатели МХАТа М. Москвин, В. Качалов, М. Тарханов назвали его талантливым и превосходным.

В чем же дело? Почему так остро и злободневно зазвучала чеховская пьеса?

Прежде всего потому, что театр правильно понял и прочел Чехова, понял глубоко, верно, точно. Ни в чем не нарушая поэтического строя пьесы, он заглянул в душу чеховских героев глазами поколения, завоевавшего счастье на родной земле, и увидел их драму, глубокий внутренний конфликт между их бытием и духовными силами. Так поняв героев чеховской пьесы, театр раскрыл в них волевое и действенное начало, светлую веру в необходимость и неизбежность победы новой жизни. Именно эта мысль была лейтмотивом свердловского спектакля. Вот почему в годину тяжелой войны он зазвучал сильно и мужественно.

Мотив светлого будущего отчетливо слышался в словах доброго и скромного Ивана Петровича Войницкого: «Сейчас пройдет дождь, и все в природе освежится и легко вздохнет». С затаенным дыханием воспринимал зритель восторженную мечту Сони: «Мы все увидим небо в алмазах». Советские люди с благодарностью и пониманием ценили трудную и тяжелую службу доктора Астрова, разделяя его взгляды на труд как на необходимость и потребность здоровой человеческой жизни.

Сосредоточив свои творческие усилия на выявлении того, что роднит чеховских героев с нашим временем, театр сумел придать лирической пьесе Чехова новое мужественное звучание. Личные судьбы героев в его трактовке укрупнились и получили большое социальное обобщение.

Работа коллектива над «Дядей Ваней» положила начало формированию определенных творческих традиций театра в сценическом решении чеховской драматургии. Эти традиции основаны на принципах социалистического реализма, на глубоком и ярком раскрытии идеи, мысли произведения, на стремлении протянуть нить от прошлого к настоящему.

Творческий опыт, приобретенный в работе над «Дядей Ваней», помог коллективу интересно и верно решить и такой спектакль, как «Вишневый сад», поставленный в 1954 году.

Следуя замыслу автора, театр широко раздвигает социальные рамки спектакля, сумев всем его строем и настроением подчеркнуть, выявить глубоко патриотическую тему пьесы, тему вишневого сада, с которым автор олицетворяет Россию. «Вся Россия — наш сад!» — восклицает студент Трофимов. «Мы посадим новый сад, роскошнее этого»,—говорит Аня.

Эта порывистая, увлеченная вера в будущее своей родной земли, несмотря на печальные и грустные события пьесы, незримо живет и главенствует в спектакле, сближает его с нашим временем и нашей борьбой, возбуждая в зрителе благородное стремление строить и украшать Родину для счастья людей.

Но если традиции «Дяди Вани» нашли свое продолжение в спектакле «Вишневый сад», то они почти не коснулись «Чайки». Именно в этом надо искать причину ее неудачи. Режиссер, приглашенный на ее постановку, шел без учета творческого опыта «Дяди Вани». Он не сумел увлечь актеров на решение идейно-художественной программы спектакля. В результате спектакль получился холодный, инертный. Ему не хватало яркой сценической выразительности, правдивого раскрытия противоречивой сложности чеховских образов.

Столетие со дня рождения А. П. Чехова Свердловская драма отмечает долгожданными «Тремя сестрами». Будем надеяться, что после них театр не прекратит свою работу над Чеховым. Путь к нему и его драматургии труден, сложен, но благодарен. Важно, чтобы, возвращаясь к старым, отыгранным когда-то пьесам или осуществляя новые, театр не растерял, а бережно хранил и умножал свои чеховские традиции. Они всегда помогут ему верно понять и раскрыть произведения великого писателя.

А. ПАНФИЛОВ.

И РЕКА РУССКАЯ, И ПЛОВЕЦ РУССКИЙ

тать эту книжку, когда «недреманное око отупеет». Лучше всего это удавалось мужчинам и сном, от девяти до одиннадцати...

Назывались эти часы свободными, вольными, а по разнообразию занятий — пестрыми.

И вот в эти пестрые часы пятнадцатилетний парнишка, ученик второго класса Пермской духовной семинарии, открыл запертую висячим замочком парту во втором среднем ряду... и впервые стал читать «Пестрые рассказы».

Помню, как видите, все до мелочей, а вот не знаю, с какого именно рассказа начал читать. Очевидно, последующее наслоение вытеснило это из памяти. Одно ясно представляется: с первой же страницы фыркнул, захлебнулся смехом. Дальше стало невозможно читать в одиночку — потребовался слушатель, и вскоре наша классная комната огласилась смехом десятка подростков. Потребовалось даже выставить в коридор вестового (по очереди, конечно,) чтоб не «нарваться».

С той поры прошло, увы, пятьдесят лет! Не один раз перечитывал произведения А. П. Чехова, и все-таки последующий Чехов никогда не заслонял в моем сознании Чехова начального периода, когда критики и литературоведы склонны были называть его только «смешным писателем». Больше того: многие произведения этого периода мне дают больше, чем вещи последующего периода. «Злоумышленник», например, мне кажется более правдивым, чем «Мужики», которым я во многом не верю. Или взять хоть «Ведьму». Ведь это жуткая трагедия молодой красивой женщины, вынужденной жить на погосте с постылым рыжим дьячком. Сколько на эту тему у нас написано и в стихах, и в прозе, и везде это трагедия либо мелодрама. А здесь ты даже смеешься. Смеешься над рыжим дьячком, который пытается прикрыть платком лицо спящего почтальона, чтобы на него не смотрела жена. Смеешься и тогда, когда этот рыжий дьячок получает локтем в переносицу. Однако смех ни в какой мере не затеняет основную мысль. Ты тут всему веришь и навсегда запоминаешь, между тем как трагедии забываются, а мелодрамы простой переменой интонации превращаются в свою противоположность. Здесь никакой интонацией ничего не изменишь, так как основа глубоко национальна. Ведь наше русское поле тем и отличается от всех остальных, что на нем нет затейливых цветов, а только простые васильки да солнечный желтяк. Наши люди даже перед подвигом смерти не встанут на котурны и «могут отмочить одобрительную шутку». Не случайно у нас создалась пословица: «посильна беда со смехом, невмочь — со слезами». Чехов это чувствовал как никто больше, и у него даже тема о безвольной, запуганной интеллигенции подана с большой дозой смеха. Нам смешно даже над последним гробовым футляром страшного, отвратительного, но в то же время смешного Антропоса-Беликова. И, по-моему, сила этой вещи, в частности, и в том, что она подана в манере «Пестрых рассказов», а не «хмурых людей», как «Спать хочется» и другие произведения, которые критикой прошлого особо выделялись, а читателем и прошлого и настоящего чаще всего пропускаются. И вовсе не потому, что тема «мрачна». «Дачники» не менее страшная вещь, но только подана в той национальной манере, которая формулируется: «Коли живешь, реветь рано, а умрешь, тогда поздно».

...У Чехова, этого веселого мастера «со смехом редьку тереть», представители моего поколения, конечно, все учились многому.

Меня больше всего поражало чеховское умение сгустить типическое до одной клички.

Протоиерей Змиежалов, дьячок Вонмигласов, акцизник Почечуев, корреспондент Оптимахов — все это для людей нашего поколения уже портреты. Знаешь, что это сделано. Для корреспондента нарочито придумана фамилия: сплав из латинского слова optime и русского «махать», для акцизника подобрана из старого медицинского учебника, где геморрой назывался почечуем (у литературоведов и бухгалтеров начинается раньше, чем у представителей других профессий). Фамилия Змиежалов и Вонмигласов откровенно шаржированы, но когда ты знаешь о «жале змия» в соответствующем контексте и когда ты слыхал уныло ленивую голосянку «вонми гласу моления моего», тебе кажется это шаржирование тем сгустком обобщения, дальше которого идти невозможно.

А чеховское искусство дать характеристику одной фразой!

— Барышня робко замерсикала и вышла.

— Александр Иванович Египетский! Один костюм сто рублей стоит. Ведь ты видишь и эту барышню, и этого египетского болванчика вплоть до его манеры носить свой костюм, такой ослепительный для уездного фельдшера.

И вместе с тем какое чувство меры. Помещик Египетский! Как будто вовсе похоже на правду, и в то же время смешно.

Чехов последних лет никогда не заслонит в моем сознании молодого Чехова, когда он легко и свободно, блестя молодыми глазами, плыл по безграничному простору великой реки. И всем было ясно, что и река русская, и пловец русский. Он не боится ни омутов, ни водоворотов родной реки. Его смех нашему поколению казался залогом победы над всеми трудностями, ибо побеждает не тот, кто уныло запоет: «Тарарабумбия, сижу на тумбе я», и не тот, кто тешит себя будущим «небом в алмазах», а только тот, кто умеет смеяться над самым отвратительным и страшным.

Высокопарно вышло? Ничего не поделаешь. Не то что в пятьдесят, а и в сто лет чеховской простоте не научишься. Сказывается учительская привычка к строго грамматическому построению фразы. Налипло немало и от газетного трафарета. А Чехов ведь от всего этого был свободен. Хотя, может быть, и у него все эти Вонмигласовы и Оптимаховы, мерсикающие барышни и помещики египетские не всегда с лету приходили, а в результате большого отбора. Но ведь этого нам не видно. Видна лишь изумительная легкость и простота...

В июне 1902 года Антон Павлович Чехов побывал во Всеволодо-Вильве Пермской области. Его пребывание на Урале было запечатлено на фотографии.

Снимок этот подарил мне недавно умерший известный уральский геолог Алексей Николаевич Иванов, работавший в то время на Луньевских копях, что в двадцати километрах от Всеволодо-Вильве.

Читатель «Вечернего Свердловска»
Вадим СУТОРИХИН.